

Александр ДОРОШЕНКО

ДАЧИ

*Ты помнишь дачу и качели
Меж двух высоких тополей,
Как мы взлетали, и немели,
И, удержавшись еле-еле,
Смеялись.*

*А потом сидели
В уютной комнате твоей.
Был час, когда река с луною
Заводит стройный разговор.
Когда раздумывать не стоит
И виснут вишни за забор.*

*Здесь, ни о чем не беспокоясь,
Торжествовала... тишина.*

*— На дачку едешь наудачку,
Друзья смеялись надо мной:
Я был влюблен в одну чудачку
И бредил дачей и луной.
Там пахло бабушкой и мамой,
Жила приличная семья.
И я твердил друзьям упрямо,
Что в этом вижу счастье я.
Не понимая, что влюбился
Не в девушку, а в тишину,
В цветок, который распустился,
Встречая летнюю луну.*

*Здесь, ни о чем не беспокоясь,
Любили кушать и читать.
А я опаздывал на поезд
И оставался ночевать.
Я был влюблен в печальный рокот
Деревьев, скovaných луной,
В шум поезда неподалеку
И в девушку, само собой.*

Всеволод Багрицкий.

Исчезнет понятие "дача". Это старое и еще дореволюционное слово (в старой России дачей называлась взятка). Дачи, собственно, есть везде. Но наша фонтанская дача — это мир, особый и чудный. Нигде не бываемый больше. Это не был просто район летнего отдыха, как бывает в иных городах: была это особая форма жизни. Иные ее психология и качество. То, что строят сегодня нувориши на Фонтанах, это не дачи — так, дворцы за глухими стенами, с вертухаями в угловых охранных будках, с надменными холуйскими мордами.

Дачи на Фонтане — это были районы одноэтажных домиков, строенных из ракушечника, с толстыми стенами, просторными верандами в окружении основательных и толстых колонн, с мезонином на крыше. В таких домиках в летнюю жару было всегда прохладно и хорошо дышалось — дышал раку-

шечник. У каждого такого домика был участок земли, густо засаженный фруктовыми деревьями: вишнями, черешнями, абрикосами — и всякими понизу овощами. Там была веранда у входа и, если позволял участок, белела из дерева сделанная беседка среди зелени кустов и деревьев. Среди розовых клумб и жужжащих на солнце шмелей. Вечерами там собирались семья и гости, горела над столом лампа, летела на ее свет мошкара, и шло застолье с чаепитием. Дождем намочила листва, и низко к влажной земле наклонялись отяжелевшие ветви, а запах роз становился особенным, дождевым и пряным.

Дачная неповторимая незабвенная наша жизнь.

Это так было всегда, и задолго до нас — есть на полотнах Костанди и Дворникова наши дачи до революции: веранда, утро, стол, и на столе накрыт чай. Узкий самовар с ручками из слоновой кости. "В аллеях, укрытые зеленью, белели плетеные кресла. Обеденный стол был покрыт цветами, окна обведены зелеными наличниками. Перед домом просторно стояла деревянная невысокая колоннада" (Исаак Бабель "В подвале"). И стулья там стояли такие же (они еще уцелели с тех времен, венские, гнутого дерева, постаревшие и поэтому попавшие в опалу на дачи, уступив место новым в четиры ноги наглем, но все еще и надолго крепкие и верные дачные наши стулья. Венскими их звали по имени первой крупной фабрики Тонета в Вене. Сколько себя помню, они жили с нами, безропотно сносили на себе покачивание подростков, тяжесть посадки ученого мужа и веселье застолья. Иногда на них становились ногами, прибывая картину или развешивая занавес на окнах, и тогда они покорно скрипели своими изящными сочленениями. Но иногда, я помню... Как много слышали они и увидели за это прошедшее столетие! Теперь с нами они тоже уходят).

Чаще всего эти дачные домики разделены были на четвертушки, и с каждого угла открывалась отдельная дача со своим участком земли. Огражденные были участки деревянными палисадниками, крашенный штакетник утопал в зелени и колючках непроницаемо глухих кустов, чтобы никто не заглядывал посторонний в дачную жизнь.

(На калитках висели таблички с именами владельцев, и как-то я по дороге на море, перечтя эти имена, сочинил эпиграмму: "Здесь живет один Андреев, он живет среди евреев".)

Выбирались на дачу с мая (но разговоры об этом событии начинались много раньше, с первыми теплыми днями весны), переезжали женщины с детьми, а мужчины на дачу наезжали после работы, и только в отпуск все собирались вместе. Несколько недель перед выездом на дачу туда ездили по воскресным дням приводить все в порядок. Белели и красили, поправляли заборы, сжигали прошлогоднюю листву. Так работали весь день, а вечером садились перекусить и выпить. Пахло паленой листвой, руки были в следах неотмытой краски... Боже мой, как вкусно все было после дня, проведенного в работе на дачном воздухе!

Весенний трамвай, открытый настежь вагончик, весело бегущий на Большой Фонтан.

А ты сидишь, запахнувшись в теплую полу и воротник куртки, шуришься от солнышка, куришь. А трамвай пишет зигзаги и выписывает восьмерки, и они всегда так необычны для нас, жителей прямоугольных городских улиц, так пленительны!

Написал и решил, прислушавшись к холодному законному дождю: в ближайшие дни, когда распогодится, когда выглянет и сразу все согреет и высушит солнце, отложу все дела, прихвачу собаку, и поедем мы с ним на Фонтаны, поедем по-старому, не наспех таксомотором, но, добравшись до вокзала, сядем в открытый летний трамвай. И — поедем! Выставит в открытое окно любопытный нос моя собака. А там, за этим окном, запахи — свежей травы и дымка от паленой прошлогодней листвы. Рука моя ляжет любовно и нежно на шею собаки, поглаживая и перебирая его курчавую шерсть.

Потом нанесли машину и переезжали. Машина нужна была потому, что боялись на зиму оставлять на даче холодильник и телевизор, из-за зимнего воровства, и нужно было захватить с собой много вещей. Теплую одежду, на случай дождя и холода, всякие одеяла и пледы. Переехав, устанавливали все на места, расставляли кресла и шезлонги, и начиналась дачная жизнь.

Одни ходили на пляж поутру, встав спозаранок, и тогда могли встретить солнце, как оно поднимается и накатывается на море и пляжный песок, постепенно все согревая. И можно было плыть навстречу солнцу, по солнечной дорожке. Другие ходили вечером, когда спадала дневная жара и убавлялось число пляжников. Пляж становился чистым от людей, тихим, и море становилось похожим на море. И тогда можно было уплыть далеко-далеко и плыть по лунной дорожке. Такую лунную дорожку море протягивало только тебе, она была узкой и рассчитанной только на одного тебя. Всегда брали с собой большое махровое полотенце, потому что холодно было купаться ранним утром и поздним вечером.

Мы любили купаться в шторм, в его высоких и рвущихся к берегу волнах, накатывающих равномерно, мы с веселым смехом подныривали под эти набегавшие волны, приносившие к их высоте и ритму, но вдруг из череды одинаково огромных, рассчитанных волн внезапно вырастал несущийся к берегу вал, вдвое крупнее их всех, и накрывал он тебя с головой, сбивал с ног, схватив и вынеся к берегу, мокрому, барахтающегося, веселого и испуганного. В такую высокую волну проще было уплыть в море, навстречу шторму, там волны не могут, упершись в дно, вырасти несоразмерно, там можно, умеючи, но с оглядкой на берега, слегка поиграть с рассерженным морем. И временами, оказавшись меж двух, одной прокатившейся и второй набегавшей на тебя волной, ты переставал вовсе видеть берег, и вокруг были только волны и над головой низко несущиеся свинцовые облака. И замирало сердце от восторга и страха...

А если внезапно налетел летний сокрушительный в ярости ливень, когда некуда было спрятаться на открытом пляже, мы прятали в кульки и сумки одежду, а сами бежали к морю, где все равно было мокро, но всегда теплее, чем в потоках хлещущего наотмашь дождя...

И всегда весело смеялись, то ли обманув, то ли обнявшись с дождем...

(Так корабли в налетевшем внезапно шторме рубят якоря и уходят в бушующее открытое море, от смертельно опасных береговых скал.)

Но некоторые, настоящие дачники, купаться ходили редко или вообще несколько раз за весь сезон. Потому что круты на-

ши морские склоны, труден спуск, и еще труднее подъем. Потому что на даче, в ее прохладной зелени, и так хорошо — ветерок с моря, свежий и вкусный, покой, уют. Да и забот много — полить и обиходить кусты роз и всяких других цветов, накормить семью.

Море внизу стало черным, оттеняясь близкой гребешков волн. Потянуло прохладой. Ах, эти дачные вечера. Небо, опрокинутое, звезды, мерцающие в темной его синеве, и на соседней даче музыка... и женский голос, поющий о разлуке... Но только надежда на скорую встречу делает желанной разлуку.

С дачей был связан и временный переход на другой базар. Такие базары были на всех станциях Фонтана, небольшие, удобные. Самыми крупными были базарчики на Седьмой, Десятой и Шестнадцатой станциях. И всегда что-то поручалось привезти из города работающим членам семьи.

Были и еще купания — ночью. По темному и крутому склону к морю сбегала веселая компания, вставшая из-за праздничного стола. Был первый-второй час ночи, воздух был еще теплый, и море, внизу внезапно оказывавшееся прямо у ног, еще хранило дневное тепло. Оно было темным, глубокого темного цвета, много темнее ночного воздуха и поднимающихся склонов. Оно было живым и рокочущим. Море многократно отражало наши веселые голоса и смех отражало — так весело прыгает по воде брошенный горизонтально плоский камень, поднятый с песка. Так купались мы молодыми и красивыми и поэтому часто купались голыми, бросив кучей одежду на песке. Потом, наплескавшись и насмеявшись в прохладной теплоте морской воды, мы всегда долго искали эту одежду и не всегда все там находили. Темнота пляжа была вязкой и влажной, в нескольких шагах все терялось во мгле, и мы часто недосчитывались на время какой-нибудь пары, акая их и ругая наконец-то нашедшихся. И затем весело поднимались вверх по крутым склонам, шли босыми в мокром песке ногами, и голоса наши, как падающие с горы веселые камешки, многократно отражались от моря, неба и нашего неповторимого счастья.

(Этот морской песок на ногах — высыхали ноги, и он осыпался без остатка. Но не совсем: как-нибудь, залезая в ванну, присмотришься внимательно, и ты непременно увидишь песчинку на сгибе ноги, на голенистопе, слева, на левой ноге — это памятный знак, это наше море и звук его неповторимой волны, именно тот, услышанный однажды летней ночью, а все, что ты слышал в длинной своей жизни, это другое, и оно не в счет. Это метка, ты и я, мы отмечены каждый нашим морем в единственную дарованную нам ночь, в разное время нашей жизни, каждому, если он достоин, наше море дарит такую песчинку — и ты постарайся ее не потерять!)

Как легко дышалось на крутом этом подъеме, как вкусен и прохладен был морской воздух, как ласково гладили наши ноги ветви кустов... И сыпалась с неба звезды над нашими головами, но мы даже не пытались их пересчитывать и подбирать, в уверенности, что так будет всегда — ночное и ласковое море и веселые голоса друзей. И этот подъем среди падающих, задевающих наши плечи звезд.

И потом в темноте ночной комнаты трудно было понять источник мерцающего пульсирующего света, где он, и вдруг на подушке ты находил маленькую звездочку, запутавшуюся в волосах подруги...

Странно и то, что перестали падать теперь эти звездочки, так много было их раньше, и все казалось — еще будут и будут...

Так жили на дачах. Иногда летом на неделю мог зарядить дождь. Становилось прохладно и очень сыро. К морю можно было идти только с зонтиком, одевшись во всякие свитера и ветровки, потому что на море был ветер, и он гнал с остервенением белые от злобы волны, разбивая волнорезы, пляжные топчаны и руша ограды. На море хорошо было смотреть сверху, с обрывов. В такие дни дачники ходили часто друг к другу в гости, выпить и поговорить. Шли гуськом узкими дачными дорожками, и мокрые ладони кустов норовили поглаживать щеку, лизнуть в шею, и все пахло влагой и мокрой землей...

В такую погоду хорошо пила водочка под маринованный крепкий и хрустящий огурчик, под раскаленную с жару колбаску, под великое и любовное чувство дружбы. Ходили в кино — на Десятую или Шестнадцатую станцию. Смотрели там всякую дрянь.

Боже мой, как хорошо бывало на даче в дождливую неделю! Как тихо и сладко читалось под монотонность падающего на землю дождя. Дождь был рядом с тобой, не где-то на улице, но вот здесь, он стоял за дверью, как пришедший к тебе уставший от

Лев Межбер

одиночества гость. Открой дверь, выйди к нему на веранду поговорить, постой рядом с ним, покури. Ночной ветер порывами гнет к земле тяжелые от воды и уставшие сопротивляться ветви, и земля от воды уже тяжелая и сырая. Ветер забрасывает внезапно горстью воду дождя на веранду, тебе в лицо, чихает собака, и странное чувство возникает, что это, увидев тебя, так развлекается ветер, с тобою играя. Ему не холодно и не сыро — ему весело!

Ночной дождь — как неожиданное письмо от далекого друга, как колыбельная песня, и в ней нехитрый и простенький мотив:

От любви бывают дети,
Ты теперь один на свете.
Помнишь песню, что, бывало,
Я в потемках напевала?

"Ах, мой милый Августин,
Августин, Августин,
Все прошло, все ..."

— так наши далекие предки засыпали в своих пещерах, так во всех временах своего детства и юности утешался монотонным капельным звуком дождя человек. Великие пространства Вселенной начинались у его порога, не имевшие измерений, и спокойнее становилось в дожде измученному страхами сердцу, и верилось ему, что беды его проходящи, что мир велик и мудр и что "утро вечера мудренее"!

(Велик и непросто, под стать нам, наш русский язык: "мудренее" или "мудренее" может быть предстоящее утро — всего две точки над буквой, но каким различным оно будет, это предстоящее нам утро!

Впрочем, неважно — сегодня главное, что оно будет, наступит.)

И читать — читать! Полки книжные были удивительны на этих дачах. Десятилетиями туда свозили все, от чего освобождали парадные книжные полки городских квартир. Старые и потрепанные, дореволюционных изданий и часто уже без корешков, подшивки журнала "Нива" соседствовали с послевоенными подшивками "Огонька" (а там Сталин, и маршальская шинель Ворошилова, и требовательный Каганович, и интеллигентный видом Лаврентий Берия, единственный, кроме Анастаса Микояна, интеллигентного вида человек в этой камарилье, и дети, первоклашки, выводящие первое в жизни слово "Сталин"...). А там Дюма в утраченном переплете и почему-то многотомный Брем с животными. Но вот сразу несколько военного времени "Огоньков", а это первая мировая война, и в ней чужая и такая далекая жизнь... Какая-то молоденькая дама на углу улицы 1914 года, в повороте угла, и ее случайный взгляд на фотографа, доставшийся неожиданно мне. Молодая, стройная, и в глазах что-то такое, но ведь уже никогда нигде ее не встретить, не взять за руку, не заговорить, не рассказать, не понять, что там было, в этих глазах. Ах, это все дождь... ночной дождь... Ночью, в дождь, один на даче, как Робинзон в своей пещере на этом острове (интересно, как это он там более двадцати лет обходился без женщин вообще, до появления Пятницы в его жизни?... И это какая наглость колонизаторская — назвать живого человека Пятницей, а не каким-нибудь другим более подходящим днем недели!).

В те времена дачи мало разнились, так, одни были чуть побольше и побогаче, но все это было вровень, дачной великой республикой. И поэтому выросшие здесь дети не знали розни богатства и отчуждения бедности. В этих дачных районах основным было море, там, внизу, равномерно любящее всех и всем принадлежащее.

На этих дачах выросло множество поколений горожан, разлетевшихся теперь по всем горизонтам Земли, сколько их есть. Начинаясь это детским ночным криком на одной из дач, и соседи так узнавали о новом поколении дачников. Потом, в очередной дачный сезон, малыш ковылял уже по продольной дачной аллее, местному бульвару, и все его видели и знакомились. Потом начинал бегать, ездить на трехколесном велосипеде, упрямо въезжая в дачные заборы, и дружить начинал со сверстниками, даже если родители знакомы не были вовсе. И так возникало великое дачное братство.

И первая любовь зарождалась здесь, на этой дачной аллее, ведущей к морю и счастью. И просто — брала шестилетняя девочка приятеля с аллеи за руку и приводила к себе на дачу, показать своих кукол, и сидели в сторонке родители, осторожно поглядывая на эту новую автономную жизнь, и шутили себе втихую, а шутить-то было и незачем!

И воздух этих незабвенных дачных вечеров, полумрак аллеи с пятячками света, выхваченными из темноты чередой качающихся лампочек, звездное небо, опустившееся к притихшей земле... И ты идешь прямо в прохладном пространстве неба, чуть сто-

ронясь пролетающих мимо звездочек, и слышишь тихие голоса, проникающие со всех сторон, из темноты скрытых за темными кустами дач, то тут, ручейком радиоразговора, то там, веселым смехом и женскими голосами... и перебор гитары... то ли еще Галич, то ли уже Высоцкий... и тонкая, упругая, звонкая нить нескончаемой песни сверчка... Эта песня на темной аллее об одиночестве, о том, что все еще сбудется, это сладкое чувство покинутости, предвещающее неизбежную встречу...

Приклеены к стеклам
Влюбленные пары,
Звенит палисандр
Дачной гитары:
"Ах, вам не хочется ль
Под ручку пройтись?"
Мой милый. Конечно.
Хотится! Хотится!

Еще как хочется!

Старый сверчок пел Буратино о тепле домашнего очага, пусть нарисованного, пусть в нарисованном этом котле не варится мясо и вообще ничего не варится, а дым, идущий из котла, не пахнет никакой вкусной пищей, но это твой дом, где тебя любили и любят, где тебя ждут глухой ночью, в ветер и злой бесконечный дождь, где тебя заботливо спросят, не устал ли... Ты переступишь порог, сбросишь мокрую одежду, наденешь сухую, сядешь к столу, возьмешь в замерзшие руки раскаленную чашку чая. И растворишься во всем этом, ни к чему не прислушиваясь, ничего не отвечая. И внезапно услышишь старую добрую песню сверчка — ты вернулся домой!

Никогда не позволяй себе даже думать, что дом твой разрушен, что тебя в нем никто больше не ждет!

Никогда не ругай свой старый дом. Услышав такую хулу, не вступай в пререкания с неблагодарным глупцом, отстранись. И не ной... Все там осталось, как было, пока благодарно бьется наше сердце, пока, не лукавя, помнит. Память сердца — большего нам не надо. И никому не дано! "Это было, было в Одессе ..." — с тобой и со мной!

Было!

Но, когда вспомнишь внезапно среди дел и суевы мира по непонятной причине и без повода вовсе, вспомнишь ночную песню дачного сверчка, не беги к фотографиям и книжкам, чтобы подлечить память. Просто подними трубку, и набери номер, и спроси друга, спроси его: "Видь это правда, на нашей дачной аллее, там, где она делает поворот вправо, по пути к берегу обрыва, когда-то стояла скамейка, покрашенная в зеленый цвет, со спинкой, и краска местами на ней облетела?" И друг твой на далеком ином континенте, подскокивший от полночного звонка, испугавший жену, спавшую рядом, прикрывая ладонью трубку и отдышавшись от внезапности вопроса, скажет тебе: "Точно..." И тихо добавит, никак не обидевшись: "А ты знаешь, ведь совсем недавно я тоже ее вспомнил, ведь как это странно — там на спинке еще была надпись..."

И потом, погасив свет и на вопросы раздраженной жены ничего не ответив, он долго будет лежать, твой старый друг, в темноте ночной комнаты, чуть улыбаясь его губы, и послышится ему тихое-тихое пенье сверчка на дачной ночной аллее... Он увидит фонарь, качающийся на легком ночном ветру у поворота аллеи, прямо над зеленой скамейкой, где вечность назад он впервые поцеловал тоненькую и стройную девушку, и ощутит на своих губах вкус ее еще детских губ, он почувствует влажный и холодящий шепот ветра с моря, от берегового обрыва, он даже услышит монотонный скрип фонарной подвески, которую давно надо бы смазать!

Где бы ни оказался такой фонтанский житель, он помнит, как весной зацветает вишня, и затем все остальное начинает цвести и ронять лепестки на землю. Никогда не уследить, как начинается цветение, но всегда внезапно и сразу видишь в полном цвету дерево и поражаешься — когда же успело?! Он помнит запах сжигаемой прошлогодней листвы. Не знаю, на что похож этот запах, что-то в нем есть такое — то ли слова в нем растворены, сказанные под этой листвой прошедшим сезоном, однажды теплой ночью или ранним прощальным утром, то ли смех, отзвучавший тогда и впитавшийся в зелень деревьев; и еще запах моря, донесенный сюда снизу, уже осеннего моря, осывающего, и печального, и смиренного с неизбежным приходом зимы.

(Для жителей любого глухого угла и места Земли понятие "уровень моря" условно, книжная заумь; для нас — вопрос обихода: только мы живем прямо над уровнем моря и знаем, на сколько нам нужно к нему спуститься из Города либо как круто и долго надо будет подниматься к себе домой. И даже уровень океана выравнивает себя по уровню нашего моря.)

Мария ГУДЫМА

Шестой сезон "Чайников" — и так много сделано!

"Театр на Чайной" в небольшом помещении бывшей Одесской чаеразвесочной фабрики на Карантинной существует уже шестой сезон в качестве отдушины для театральных гурманов, этакое причерноморского офф-Бродвея... Директор и ведущий режиссер "чайников" Александр Онищенко, в самые трудные перестроечные годы освоивший ряд строительных специальностей, своими руками оборудовал маленький зальчик на 50 мест, где зрители весь спектакль сидят, не шелохнувшись, а по окончании представления по-домашнему пьют с артистами чай и кофе, обсуждая только что увиденное. Здесь постановки рождаются "по любви", а не по принуждению руководителя, как то бывает в официальных театрах. Почти комедией "За стеклом" театр открылся 6 апреля 2010 года. С тех пор спектакль пережил несколько редакций, побывал на фестивалях и успешно продолжает свою сценическую жизнь. То антиакадемический рассказ об актерах, персонажах и о том, как персонажи влияют на актеров. "Спектакль — визитная карточка", — так говорят о нем зрители. Профессионалы из разных театральных коллективов города собираются в "Театре на Чайной", чтобы воплотить в жизнь задуманное...

Так в репертуаре появились и деревенский сериал "Аве Мария Ивановна" по одноименной пьесе российского драматурга Дмитрия Калинина в постановке Александра Онищенко, и одноактная пьеса американского драматурга Мюррея Шизгала "Машинистки" в постановке Русланы Рудой, известной актрисы театра кукол, решившейся на дебют в режиссуре. Опытный артист Русской драмы Михаил Дроботов поставил здесь в качестве режиссера со своими молодыми коллегами Павлом Савиновым и Ольгой Салтыковой знаменитую пьесу Уильяма Гибсона "Двое на качелях", не случайно столь любимую в свое время советскими театрами.

Жемчужиной репертуара стала последняя премьера — псевдоопера "Маленький Донни, победивший мрак" по весьма популярной пьесе американского автора Леонарда Герша "Эти свободные бабочки". Жанр "псевдоопера" получился оттого, что фоном для общения героев становится телетрансляция роскошной постановки оперы Глюка "Орфей и Эвридика", и поиски героем своей половинки в мрачном царстве Аида удивительным образом рифмуются с переживаниями совсем по другому поводу повернутого во мрак Дональда...

Пьеса "Эти свободные бабочки" в переводе Михаила Мишина отнюдь не случайно заполонила сценические подмостки русскоязычных театров постсоветского пространства. Режиссер спектакля Александр Онищенко так очаровался ею, что старался ставить почти в темпе читки пьесы, сохраняя ритм естественной речи, не стремясь избежать повествовательности. Собрав букет артистов из ТЮЗа для этой постановки о молодых и для молодых.

Пока собираются зрители, все их внимание оттягивает на себя сколоченная из досок конструкция: наверху — ложе, к которому ведет боковая лестница, внизу же — подобие

маленького диванчика и обеденного стола. Еда настоящая, поглощают ее актеры с апетитом, говорят, очень волнуются всякий раз, когда приходится есть на людях. А вот сигареты не настоящие курят, электронные, нельзя же заполнять тесный зальчик всеядным дымом!

Обитает в этом арендованном раю молодой американец Дональд (Влад Костыка). Можете называть его Доном, только, упаси Бог, не Донни, это он и собственной властной матери пытается запретить. Матери, чей приход он чувствует издали, благодаря шлейфу из аромата "Шанели № 10". Но это хотя бы поддается логическому объяснению, а вот как он чувствует, что мать звонит по телефону с минуты на минуту и успевает проговорить-прорепетировать предстоящий диалог? "Здравствуй, мама. А я знал, что это ты. А потому что, когда это ты, телефон не звонит, а стонет — от предчувствия твоих нотаций... Спасибо, прекрасно. А как ты?.. Здесь погода отличная, тепло. А как там у вас? Тоже тепло? Ну ты подумай! И там тепло, и здесь тепло. Замечательно... Что — квартира?.. Я тебе уже сто раз сказал — квартира замечательная... Да, мне здесь по-прежнему замечательно... Вчера? Ничего, был дома... Ко мне друзья заходили. Да, маленькая вечеринка... Я не считал, сколько их было. А тебе обязательно точная цифра нужна? Двенадцать и семь восьмых — тебя устроит? Нет, не поздно разошлись... Что-что? Даже не вздумай! Никаких сегодня!.. А меня это не волнует! Собралась в магазины — ну и езжай на здоровье! А сюда приходит нечего! Мы с тобой договорились, кажется, два месяца..."

Мы не сразу поймем, что с этим обаятельным, улыбочивым парнем не так. И соседка по квартире, обаятельнейшая, гиперактивная, мечтающая стать актрисой Джил (Валерия Задумкина), тоже сразу этого не поймет. А ведь этот парень обнаружит в маленькой белокурой бестии качества, которые беззаботная бабочка даже в себе не подозревала! По плечу ли этой девчонке роль Эвридики, даже если допустить, что она встретила в жизни настоящего Орфея? И властную матушку Дональда, добропорядочную детскую писательницу миссис Бейкер (Елена Юзвук), которая неожиданно-непрощено заявила за квартиру к обожаемому Донни, тоже ждут открытия и крутые перемены в своем видении происходящего. Может быть, это именно она блуждает во мраке и пора если не перерезать пуповину, то хотя бы ослабить ее поводок?..

В финале мы ее, вроде бы такую сперва сую и несимпатичную, очень полюбим, как и всех остальных героев этой удивительной истории, включая здорового добродушного увальня Ральфа (Олег Шевчук), едва не соблазненного Джил открытием театрального ангажемента. Такая коллизия "чайникам" очень близка — страсть к профессии руководит всеми ими, но и простые человеческие эмоции проживаются очень остро. Потому и нет отбоя от зрителей, бронирующих места заранее. Пусть так будет и в дальнейшем.

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

